

людионной работы. Здесь экономическая забастовка приказчиков в магазинах Второва была огромным событием, — о ней говорили чуть ли не целый год. Здесь выборы в правление кооператива давали повод для ожесточенной борьбы между эсэрами и эсдеками. Атабеков в Черемхове сделал центром партийной работы вопрос об устройстве детской площадки. А. Рожков и И. Чужак, в эпоху «Иркутского Слова», умудрились завязать с народнической печатью резкую полемику по вопросу о том, являются ли экинококи свинными или собачьими микробами.

Стоило ли тратить силы на эти «малые дела»? Была ли, в данной обстановке, необходимость в создании подпольной партийной организации?

Единодушие в ответе на эти вопросы среди ссыльных не было. Многие товарищи относились к организационным попыткам скептически, считая, что в Иркутске партийные кружки будут без всякой пользы вариться в собственном соку.

Что касается до меня лично, то я считал все же необходимым создание партийной организации, которая включала бы и рабочих, и интеллигенцию и связывала бы ссылку с родственными ей по настроению элементами местного коренного населения. В пролетарских кругах ссылки эти планы встречали больше сочувствия, чем среди партийной интеллигенции.

И еще одна черта: все наши легальные литературные предприятия — «Иркутское Слово», «Новая Сибирь», «Сибирское Слово» и появившиеся несравненно позднее, уже во время войны, — наши литературные предприятия велись, главным образом, меньшевиками, которые были представлены в иркутской ссылке сильнее и ярче, чем большевики; но к организационно-партийному строительству большевики проявляли больше рвения, чем меньшевики. Таким образом, в нашем «литературном центре» преобладало одно фрак-

ционное направление, а в возникавших, рассыпавшихся и возникавших вновь партийных кружках — другое течение.

До поры до времени неудобства такого положения не очень бросались в глаза: каждый вел ту работу, к которой чувствовал себя наиболее склонным, а некоторые — в числе их и я — поспедали работать и здесь и там, связывая литературный кружок с рабочими и полурбочими ячейками. Но после того, как произошел известный раскол в с.-д. фракции Государственной Думы, и отмежевание от меньшевиков стало основным лозунгом большевистской работы, взаимоотношения между фракционными течениями в Иркутске изменились.

Вообще говоря, общественное мнение с.-д. кругов ссылки было против раскола. Не сочувствовали расколу и местные рабочие. И если бы сторонники «размежеваний» поставили прямо вопрос: за единую партию или за раскол? — наверное, мало кто пошел бы за раскольниками. Но так они вопроса не ставили, а направляли все усилия на использование той бытовой разобщенности ссылки, о которой я упоминал выше. Началась демагогическая кампания за создание чисто рабочего социального демократического союза, без интеллигенции. При этом большевики-интеллигенты, как инициаторы этого плана, исключались из союза, а меньшевики-интеллигенты оставались за бортом. Seriously бороться с этой затеей меньшевики не пытались, — одни потому, что, вообще, не придавали значения подобным планам, другие потому, что не видели зла в создании партийных кружков, хотя бы узко фракционного характера.

Таким образом, в Иркутске сложилось своеобразное положение: хотя настроения рабочих и широких кругов ссылки были отнюдь не в пользу раскольнической политики, но именно в руках сторонников этой политики оказались под конец почти все организационные связи с рабочими кружками.